ISSN 2500-2872

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2022, №4

Japanese Studies in Russia

日本研究

Федеральное государственное автономное учреждение науки
«Институт Китая и современной Азии Российской академии наук»
www.iccaras.ru

Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»
www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все научные статьи рецензируются; всем статьям присваивается DOI.

Учредители: Институт Китая и современной Азии РАН,
Ассоциация японоведов.
URL: http://japanjournal.ru
Свидетельство Роскомнадзора о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 68910 от 7 марта 2017 г.
Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и базу RSCI на платформе Web of Science.
Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».
Входит в Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).
Входит в Перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК).

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Ответственный секретарь: Казаков О.И.

Редакционная коллегия: Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Нелидов В.В., к.и.н.;

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., академик РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гордон Эндрю (США), проф.; Гришачев С.В., к.и.н.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Крнета Наталия (Сербия), к.филол.н.; Крупянко М.И., д.полит.н.; Островский А.В., д.э.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симотомаи Нобуо (Япония), проф.; Стоквин Артур (Великобритания), проф.; Судзуки Ёсикадзу (Япония), проф.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакция: Горчакова Т.Е., к.э.н.; Кириченко М.А.; Скворцова Е.М.

Отрасли науки:	OECD Fields of Science:
07.00.00 Исторические науки и археология	5.02 Economics and business
08.00.00 Экономические науки	5.06 Political science
23.00.00 Политология	6.01 History and archaeology

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

ISSN 2500-2872

© Коллектив авторов
© ИКСА РАН
© Ассоциация японоведов

Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences
www.iccaras.ru

Non-profit organization
«Association of Japanologists»
www.japanstudies.ru

The electronic scientific periodical "Japanese Studies in Russia" has been published 4 times a year (quarterly) since 2016. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Japanese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed and assigned to DOI.

Founders: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, NPO Association of Japanologists.
URL: http://japanjournal.ru
Media registration number (in the Russian Federation): ЭЛ № ФС 77 – 68910, issued on 7 March 2017 by Roskomnadzor.
Included in Russian Index of Science Citation (RISC) and Russian Science Citation Index (RSCI).
Included in Russian Scientific Digital Library "CyberLeninka.ru".
Included in Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).
Included in List of Higher Attestation Commission (HAC).

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)

Executive Secretary: Kazakov Oleg I.

Editorial Board: Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Nelidov Vladimir V., PhD (History)

Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Academician of the RAS; Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Gordon Andrew (USA), Prof.; Grishachev Sergei V., PhD (History); Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Krneta Natalija (Serbia), PhD (Philology); Krupyanko Mikhail I., DSc (Political Science); Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Panov Aleksandr N., DSc (Political Science); Pestushko Yurii S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Stockwin Arthur (UK), Prof.; Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Vojtishek Elena E., DSc (History)

Editors Office: Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics); Kirichenko Mariya A.; Skvortsova Elizaveta M.

Branch of Science (in the Russian Federation):
07.00.00 History and Archaeology
08.00.00 Economics
23.00.00 Political Science

OECD Fields of Science:
5.02 Economics and business
5.06 Political science
6.01 History and archaeology

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

ISSN 2500-2872

© Team of authors
© ICCA RAS
© Association of Japanologists

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2022, № 4

СОДЕРЖАНИЕ

Бушуева А.С. Японо-иранские отношения в послевоенный период: «ближневосточная дилемма» для Японии 6

Сковоронских М.В. The Sinitic poetry of Fujiwara Seika and his place in the history of early modern *kanbun* literature 20

Щепкин В.В. Российская колония на Урупе (1795–1805) и её влияние на политику Японии в отношении айнов южных Курил 38

Сморгунов Л.В., Игнатьева О.А. Восприятие Японии в российском общественном сознании 56

Лузянин С.Г. Российско-японские отношения и китайский фактор: эволюция и трансформация (2012–2022 гг.) 75

Авдюшенкова И.В. Почитание предков в современной Японии 90

Нелидов В.В. Украинский кризис во внутриполитическом дискурсе Японии 108

Книжная полка

Сахарова Е.Б. Путешествие во времени. Рецензия на книгу А.Н. Мещерякова «Япония. В погоне за ветром столетий» 123

Библиографический перечень публикаций в журнале «Японские исследования» за 2022 год 130

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA 2022, № 4

CONTENTS

Bushueva A.S. Japan-Iran relations in the post-war era: The Middle Eastern dilemma for Japan. 6

Skovoronskikh M.V. The Sinitic poetry of Fujiwara Seika and his place in the history of early modern *kanbun* literature 20

Shchepkin V.V. Russian Settlement on the Island of Urup (1795–1805) and its Influence on Japan's Policy towards Ainu from southern Kurils 38

Smorgunov L.V., Ignatjeva O.A. The perception of Japan in the Russian public consciousness..... 56

Luzyanin S.G. Russian-Japanese relations and the Chinese factor: Evolution and transformation (2012–2022). 75

Avdiushenkova I.V. Ancestor worship in contemporary Japan. 90

Nelidov V.V. Ukrainian crisis in Japan's domestic political discourse..... 108

Book Review

Sakharova E.B. Journey in time. Review of the book "Japan. Chasing the Wind of Centuries" by Alexander N. Mescheryakov]. 123

The Bibliographic List of Publications in "Japanese Studies in Russia" for 2022 130

DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-38-55

Российская колония на Урупе (1795–1805) и её влияние на политику Японии в отношении айнов южных Курил

В.В. Щепкин

Аннотация. В статье излагается история российского поселения на острове Уруп в 1795–1805 гг. на основе сравнительного изучения опубликованных российских и японских источников, выясняются цели основания поселения и причины его ликвидации. Основанное по инициативе сибирского купца Г.И. Шелехова, российское поселение сыграло важную роль как в российско-японских отношениях, так и в политике японского правительства в отношении айнов и их земель, особенно южных Курильских островов, на рубеже XVIII–XIX вв. Поселение было основано в виду возможного установления торговых отношений между Россией и Японией после экспедиции А. Лаксмана, получившего в 1793 г. разрешение на заход одного российского судна в Нагасаки для продолжения переговоров. В составе отряда было несколько крестьянских семей для изучения возможности хлебопашества на Урупе, а также несколько десятков промысловых работников для охоты на каланов, часть которых, однако, покинула остров в первые годы из-за жестокого поведения главы поселения Василия Звездочётова. Оставшимся удалось установить торговые отношения с айнами южных Курильских островов и получать через них японские продуктовые товары. Однако с прибытием японской правительственной экспедиции на Итуруп в 1798 г. сведения об этих отношениях оказали определяющее влияние на перевод северо-востока Хоккайдо, Кунашира и Итурупа под прямое управление бакуфу, а также на характер японской политики в отношении местного населения – айнов. Стремление выдворить русских с Урупа и тем самым пресечь их отношения с айнами южных Курильских островов привели к решению японского правительства превратить Итуруп в естественную крепость и запретить местным жителям покидать остров, а русским и айнам северных и средних Курил – приезжать на него. В то же время длительное пребывание русских поселенцев на Урупе предотвратило распространение японского влияния к северу от Итурупа.

***Ключевые слова*:** российско-японские отношения, айны, Курильские острова, эпоха Токугава, Российско-Американская компания.

***Author*:** *Щепкин Василий Владимирович*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт восточных рукописей РАН (адрес: Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18); доцент Департамента востоковедения и африканистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в Санкт-Петербурге (адрес: Россия, 190008, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16). ORCID: 0000-0003-0007-1143; E-mail: vshepkin@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00401 («Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XX вв.»).

***Для цитирования*:** Щепкин В.В. Российская колония на Урупе (1795–1805) и её влияние на политику Японии в отношении айнов южных Курил // Японские исследования. 2022. № 4. С. 38–55. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-38-55

Russian settlement on the island of Urup (1795–1805) and its influence on Japan's policy towards Ainu from southern Kurils

V.V. Shchepkin

***Abstract*.** Based on comparative study of published Russian and Japanese sources, the article describes the history of the Russian settlement on the island of Urup in 1795–1805. First, it clarifies the goals of the foundation of the settlement and the reasons for its liquidation. Founded at the initiative of the Siberian merchant Grigorii Shelekhov, the Russian settlement played an important role both in Russo-Japanese relations and in the policy of the Japanese government towards the Ainu and their lands, especially in the southern Kuril Islands, at the turn of the 18th and 19th centuries. Russians founded the settlement in the view of future trade opportunities with Japan, since, a few years earlier, the Russian envoy Adam Laxman had received a permission to enter the port of Nagasaki to continue negotiations. In the beginning, Russians managed to start exchange of Japanese goods and supplies with the Ainu. After Japanese governmental expedition reached Iturup in 1798, however, information about relations between the Russians and the Ainu led to the transfer of the northeast Hokkaido, Kunashir, and Iturup under the direct control of the bakufu, as well as influenced the nature of Japanese policy towards the local population, the Ainu. The desire to expel the Russians from Urup and thereby stop their relations with the Ainu of the southern Kuril Islands led to the decision of the Japanese government to turn Iturup into a natural fortress and forbid the locals to leave the island, and the Russians and Ainu of the northern and middle Kuril Islands to come there. At the same time, the long stay of Russian settlers on Urup prevented the spread of Japanese influence north of Iturup.

***Keywords*:** Russia-Japan relations, Ainu, Kuril Islands, Tokugawa period, early modern Japan, Russian-American Company.

***Author*:** *Shchepkin Vasilii V.* Candidate of Sciences (History), Senior researcher, Institute of Oriental Manuscripts RAS (address: 18 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russian Federation); Associate Professor, Department of Asian and African Studies, National Research University "Higher School of Economics" in St. Petersburg (address: 16, ul. Soyuza Pechatnikov, St. Petersburg, 190008, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-0007-1143; E-mail: vshepkin@gmail.com

***Conflict of interests*.** The author declares the absence of the conflict of interests.

***Acknowledgements*.** The reported study was funded by the Russian Foundation for Fundamental Research, project number 20-09-00401 ("Ainu in the history of Russo-Japanese Relations in 18-20 centuries").

***For citation*:** Shchepkin V.V. (2022). Rossiiskaia koloniia na Urupe (1795–1805) i ee vliianie na politiku Iaponii v otnoshenii ainov iuzhnykh Kuril [Russian Settlement on the Island of Urup (1795–1805) and its Influence on Japan's Policy towards Ainu from southern Kurils]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2022, 4, 38–55. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-38-55

Введение

Уруп – один из островов Курильского архипелага, принадлежащий к его южной группе. До второй половины XVIII в. на Урупе не было постоянных поселений айнов, поскольку остров являлся местом промысла каланов и других морских животных, в обилии обитавших в прибрежных водах. В сезон охоты сюда приезжали айны как северных, так и южных Курильских островов, поэтому Уруп стал ещё и местом встреч и сезонной торговли двух групп. Шкуры каланов, а также половые органы самцов морских котиков высоко ценились в традиционной китайской медицине как средство, оказывающее благотворное влияние на репродуктивную систему мужчин. Поэтому эти товары издавна пользовались большим спросом в Японии, а по меньшей мере с начала XVII в. входили в список обязательных подношений сёгунам от дома Мацумаэ, в чьём ведении находилась торговля между японцами и айнами.

Впервые посещённый российскими первопроходцами в 1768 г., Уруп надолго стал своего рода базой для контактов с айнами южных островов и японцами. В 1775–1785 гг. на Урупе обосновалась экспедиция под руководством И.М. Антипина и Д.Я. Шабалина, совершившая отсюда ряд плаваний к южным Курилам и Хоккайдо в поисках возможностей торговли. В 1795–1805 гг. здесь же расположилась колония поселенцев по инициативе сибирского купца Г.И. Шелехова. В 1828 г. поселение на Урупе было восстановлено уже как фактория Российско-Американской компании и просуществовало вплоть до передачи всей гряды Курильских островов Японии по Санкт-Петербургскому договору в 1875 г.

Истории этих поселений, а особенно их роли в становлении российско-японских отношений и в жизни курильских айнов, исследователи до сих пор уделяли немного внимания. Первым эту тему затронул П.А. Тихменев в широком контексте истории основания и деятельности Российско-Американской компании [Тихменев 1861, с. 44, 110–112]. В подробнейшем очерке истории Курильских островов А.С. Полонский осветил лишь деятельность первой экспедиции на Уруп 1775–1785 гг., а более поздние поселения обошёл вниманием [Полонский 1871, с. 441–467]. Некоторые данные японских источников о первых поселениях русских на Урупе приводил в своём монументальном труде Д.М. Позднеев [Позднеев 1909, с. 136–152]. Пожалуй, наиболее полно история российских поселений на Курильских островах и, в частности, на Урупе освещена в ряде работ сахалинского археолога В.О. Шубина [Шубин, Шубина 1985; Шубин 2010].

В данной статье будет рассмотрен один из наименее изученных периодов российского пребывания на Урупе – колония компании Г.И. Шелехова (с 1799 г. – Российско-Американская компания), существовавшая на острове в 1795–1805 гг., а также её влияние на политику японского военного правительства бакуфу в отношении России и айнов на рубеже XVIII–XIX вв. Поскольку материалы российских архивов, касающиеся этой темы, были в основном изучены В.О. Шубиным, мы изложим данные российской стороны, опираясь, в первую очередь, на его работы, а также на ряд опубликованных, но не использованных им архивных источников. Новизна же данной статьи будет заключаться в привлечении японских источников, в частности документов правительственной экспедиции на южные Курильские острова 1798–1803 гг. и сочинений, написанных её участниками.

Российская колония на Урупе: цели основания и причины исчезновения

Идея постоянного поселения на Урупе возникла вскоре после первого посещения острова русскими. Хотя Уруп вместе с большей частью других островов Курильской гряды был осмотрен и нанесён на карту ещё в ходе Второй Камчатской экспедиции – во время второго плавания М. Шпанберга и В. Вальтона в 1739 г., первой документально подтверждённой высадкой на остров стал визит казачьего сотника Ивана Чёрного и тоёна о. Шумшу Петра Чупрова с группой курильских айнов и камчадалов в 1768 г.

На Урупе не было постоянных поселений айнов: остров служил местом промысла каланов и других морских животных для айнов как южных, так и средних Курильских островов, здесь же представители двух групп вели торговый обмен. Чёрный встретил на Урупе айнов Итурупа, привёл нескольких из них в российское подданство, затем с проводниками из их числа проследовал на Итуруп, где также привёл в подданство ещё нескольких «князцов», в том числе двоих с Кунашира. В своём журнале, представленном по возвращении в Большерецк властям, Чёрный подробно описал природные условия всех посещённых островов: наличие строевого леса, пригодных в пищу растений и животных, рыбные озёра, удобные гавани [Русские экспедиции 1989, с. 132–140], однако о возможностях хлебопашества или другого освоения не упоминал – вероятно, перед ним задачи оценки такой перспективы ещё не стояло.

Впервые идея о постоянном поселении на одном из южных Курильских островов высказывается камчатским командиром М.К. Бемом в ходе подготовки следующей экспедиции к южным Курильским островам, состоявшейся в 1775–1780 гг. В 20-м пункте инструкции, выданной главе экспедиции И.М. Антипину 8 июня 1775 г., он писал о необходимости узнать «какие есть годные к заселению места, в том числе к человеческому житию и к хлебопашеству и к скотоводству способные» [Русские экспедиции 1989, с. 153]. Сверх того, Антипину было выдано «хлебных ржаных, яришных пшенишных, ячменных, овсяных и коноплённых от каждого роду по 2 фунта семян» с наказом осенью того же года «посеять в удобном месте озимовой хлеб, рожь», а весной следующего 1776 г. «учинить посев ярице, ячменю, пшенице, овсу и семя конопленному и при растении оного смотреть, что будет ли впредь к размножению хлебопашества в урожае надежда» [Русские экспедиции 1989, с. 153].

А.С. Полонский пишет, что посеянные для пробы Антипиным на Урупе рожь, пшеница и ячмень «созрели в своё время и дали немалый урожай», а «на южнейших островах ещё удобнее мог родиться хлеб» По его мнению, южные Курильские острова обещали выгоды для Сибирского края уже тем, что «по их южному положению было возможно там хлебопашество» [Полонский 1871, с. 467]. Тем не менее разведка возможности и места поселения была не главной задачей этой экспедиции – таковой следует признать установление торговых отношений с японцами, что также могло повысить продовольственную безопасность Охотска и Камчатки, поскольку «рыба и звери были бы главнейшими предметами мены с японцами на хлебные их товары» [Русские экспедиции 1989, с. 153]. Хотя участникам экспедиции удалось дважды встретиться на северо-востоке Хоккайдо с чиновниками японского княжества Мацумаэ в 1778 и 1779 г. и договориться о торговле через айнов южных Курил, многочисленные бедствия, выпавшие на долю экспедиции – крушение двух судов, землетрясения, внутренние распри, а также указ

Екатерины II от 30 апреля 1779 г. об оставлении «мохнатых курильцев» свободными – привели к тому, что главный её спонсор якутский купец П.С. Лебедев-Ласточкин отказался от дальнейших плаваний к южным Курилам и перенёс свою деятельность на Алеутские острова.

Тем не менее перспектива торговых отношений с японцами и идея об основании постоянной российской колонии на Урупе не была оставлена. В 1792–1793 гг. состоялось посольство в Японию под руководством А.К. Лаксмана, которому удалось не только впервые встретиться с чиновниками центрального правительства бакуфу, специально для этого приехавшими в Мацумаэ, но и получить разрешение на заход одного российского судна в Нагасаки для продолжения переговоров. Иркутский купец Г.И. Шелехов, который с энтузиазмом смотрел на перспективу торговли с Японией и на начальном этапе участвовал в финансировании экспедиции 1775–1780 гг., очевидно, следил и за ходом миссии Лаксмана. Именно он снова поднял вопрос об основании российского поселения на Урупе. Впервые об этом упоминает иркутский генерал-губернатор И.А. Пиль в своём рапорте Совету при Высочайшем дворе от 28 сентября 1793 г., где он сообщал о намерении Шелехова завести хлебопашество «в приличных местах матерой Американской земли и на Курильских островах» и просил о выделении для этих целей до 20 мастеровых и 10 крестьянских семей [Русские открытия 1948, с. 321–322]. Хотя в тексте рапорта не говорится о связи колонии с перспективой торговли с Японией, вероятно, на эту идею Шелехова сподвигнул успех экспедиции Лаксмана, вернувшейся 8 сентября 1793 г. из Хакодатэ в Охотск.

Совет при Высочайшем дворе, заслушав рапорт Пиля 19 декабря, ответил на просьбу губернатора положительно и 31 декабря направил ему соответствующий указ. 11 мая 1794 г. Пиль направил Шелехову ордер, в котором подробно проинструктировал купца о необходимых мероприятиях и правилах поведения при их исполнении. В девятом пункте этого ордера, который посвящён учреждению колонии на Урупе, Пиль, отмечая, что Шелехов намерен направить туда людей «для хлебопашества по выгодному местоположению и для промыслу зверей», добавляет: «… как сей остров лежит в близком соседстве с владениями Японской империи, в которую, как вам известно, было из России в прошлом 1792-м году посольство о востановлении дружбы и коммерции, то нужно теперь, чтоб означенный ваш 18-го Курильского острова правитель старался всевозможнейше, ежели случай допустит, видаться где с японцами, показывать им знаки дружества и обходиться приязненно и ласково, не подавая ни малейшего на себя подозрения» [Русские открытия 1948, с. 334–335].

9 августа 1794 г. в письме правителю Северо-Восточной Американской компании А.А. Баранову Шелехов сообщил о своём намерении отправить несколько семей хлебопашцев на Уруп, «ибо и там было и есть моё намерение завести помаленьку Русь», а также содержать компанию «сверх обзаведения хлебопашества», то есть для промыслов морских зверей [Русские открытия 1948, с. 351–352]. В связи с этим он попросил Баранова направить на первый Курильский остров для дальнейшей переправки на Уруп до пятидесяти человек «алеутов и американцев» с их семействами, а «русские будут только ими управлять и содержать прикрытие от мохнатых курильцов, с коими жить просто небезопасно» [Русские открытия 1948, с. 352]. О перспективе торговли с японцами он снова не упомянул.

18 ноября того же года в донесении И.А. Пилю Шелехов сообщил, что ему до сих пор не удалось отправить отряд на Уруп собственными силами и просил выделения одного из

казённых судов, стоящих в Охотске, «Св. Алексей», для доставки поселенцев весной следующего года [Русские открытия 1948, с. 355–356]. Таким образом, они попали на остров лишь в следующем 1795 г., а не в 1794 г., как пишет об этом В.О. Шубин [Шубин, Шубина 1985, с. 187; Шубин 2010, с. 151].

Главой «курильского отряда» был назначен В.К. Звездочётов. Он посещал Уруп ещё в составе экспедиции 1775–1780 гг. В частности, его имя («иркутской посадской Василей Звездочётов») значится в списке «компанейских работных», посетивших в 1778 г. Итуруп, Кунашир и Хоккайдо вместе с Д.Я. Шабалиным [Русские экспедиции 1989, с. 169]. Теперь уже под его началом на Уруп были направлены 40 человек: кроме него самого 30 промышленников, 4 поселенца с 3 женщинами, и 2 алеута [Шубин 2010].

О дальнейшей судьбе российского поселения на Урупе мы узнаем из российских источников лишь после его исчезновения в 1805 г. В том году во время возвращения из Нагасаки после неудачного посольства в Японию Н.П. Резанов попросил И.Ф. Крузенштерна подойти к Урупу, чтобы узнать о судьбе колонии, сославшись на высочайшую инструкцию [Российско-Американская компания 1994, с. 116]: в ней говорилось о возможном торге через Уруп в случае неудачи переговоров о торговле в Нагасаки или на о. Хоккайдо [Российско-Американская компания 1994, с. 71–74]. Однако Крузенштерн отклонил такой маршрут «по недостаточной глубине вблизи острова» [Тихменев 1861, с. 110]. Тогда Резанов приступил к сбору сведений о судьбе поселения на Камчатке и в Русской Америке, куда, как оказалось, переселились некоторые члены отряда Звездочётова. Обо всём этом Резанов подробно написал в письме директорам Российско-Американской компании от 15 февраля 1806 г. [Командор 1995, с. 320–324].

Звездочётов со своим отрядом прибыл на Уруп на судне «Св. Алексей» летом 1795 г. Практически сразу им удалось вступить в контакт с айнами, приехавшими на остров с Итурупа и Хоккайдо для промыслов. Один из айнских вождей, которого Резанов называет в письме «Аткизским Таёном»[1], преподнёс Звездочётову несколько шкур, получил от него ткани и другие мелочи, а на следующий год передал через других айнов ещё мехов, а также два мешка риса и бочонок сакэ.

Тем временем едва ли не сразу по прибытии начались разногласия между передовщиком Звездочётовым и другими промышленными, которые Резанов и многие авторы вслед за ним объясняли чрезмерной строгостью и буйством начальника. В первый же год он арестовал, высек и выслал обратно на Камчатку штурмана Олесова – единственного, кто попытался ему противиться. В следующем 1796 г. Звездочётов приступил к опытам посева зерновых, в чём потерпел неудачу и стал делать из оставшегося зерна вино. Попытавшийся ему перечить И. Свешников был засечен до смерти, после чего промышленные, собрав совет, избрали новым передовщиком Г. Кошечкина, а Звездочётова связали и отправили на соседний 17-й остров, попросив местных айнов доставить его на Камчатку с донесением о его поступках.

Однако Звездочётов сумел обещаниями подарков уговорить сопровождавших его айнов вернуться вместе на Уруп, где он арестовал Кошечкина, Корюкова, Скачкова и Стасова за неподчинение и выслал их на Камчатку. Затем, опасаясь заговора, Звездочётов приказал ещё

[1] «Аткизский Таён» – айнский вождь с о. Хоккайдо. Словом «Аткиз» (от Аккэси) в XVIII – начале XIX вв. называли северо-восточную часть Хоккайдо или весь остров. «Таён» – «тойон», т.е. вождь, старейшина. Здесь, вероятно, имеется в виду айнский вождь Икотои (см. ниже).

15 промышленникам вернуться на Камчатку и просить об отправке алеутов с байдарами для бобрового промысла. Эти 15 человек ушли на северо-западную сторону острова для постройки байдары. Пережив там зиму 1797–1798 гг., они вернулись в гавань к Звездочётову, где тот выдал им необходимые вещи и отправил в путь. Сам он с 12 мужчинами и 3 женщинами оставался на Урупе.

На этом сведения, полученные Резановым, исчерпывались, поскольку получил он их от О. Стасова, а также В. Шароглазова и И. Вардугина, покинувших остров в 1797–1798 гг. Резанов добавлял, что по информации, полученной им от японцев (вероятно, на Хоккайдо в 1805 г.), русских на Урупе уже нет, однако сам он в этом сомневался, поскольку, во-первых, у Звездочётова оставалось большое количество оружия и боеприпасов, которые бы не позволили айнам или японцам выдворить их оттуда, а, во-вторых, Звездочётов сам мог распространить такой слух через японцев, боясь возвращения на родину и возможного наказания за свои проступки. Обращает на себя внимание также сообщение Резанова о заходе в воды Урупа иностранного судна в 1797 г., о чём его информантам сообщили курильские айны. Вероятно, это было британское судно во главе с У. Броутоном, о котором речь пойдёт ниже.

Не получив возможности лично инспектировать колонию компании на Урупе, Резанов решил поручить это Н.А. Хвостову и Г.И. Давыдову, которых он направил в секретную экспедицию к Сахалину и Курильским островам. В своей инструкции морским офицерам Резанов предписал, встретившись со Звездочётовым, получить от него отчёт обо всех событиях с момента водворения на острове, самого его забрать и доставить к правителю Русской Америки А.А. Баранову, вместо него оставить передовщиком В. Шароглазова, а имеющихся промышленников и поселенцев переписать и пообещать о прибытии судна со всем необходимым на следующий год [Российско-Американская компания 1994, с. 151–154].

Осенью 1806 г. Давыдов на тендере «Авось» должен был исследовать острова Симушир и Уруп, после чего встретиться с «Юноной» во главе с Хвостовым в заливе Анива на Сахалине, однако из-за болезней членов экипажа и повреждений судна он раньше назначенного срока был вынужден вернуться на Камчатку. «Юнона» и «Авось» подошли к Урупу лишь в мае 1807 г., но не смогли пристать к берегу из-за недостаточной глубины. О судьбе Звездочётова Хвостов и Давыдов узнали от японцев на Итурупе несколько дней спустя: по их словам, тот умер, после чего оставшиеся десять человек в прошлом 1806 г. покинули Уруп. При этом Давыдов в своём журнале отметил, что этой зимой их на Камчатке ещё не было [Российско-Американская компания 1994, с. 176]. На обратном пути в Охотск Хвостову и Давыдову всё же удалось найти свидетельство поселения Звездочётова на Урупе: 1 июня 1807 г. штурман Вардугин с тендера «Авось» высадился на берег, где «видел жилище русских, почти уже обвалившееся, но нет ни следа человеческого и никакого признака недавнего пребывания в сём месте людей; дороги даже поросли травою». Также он обнаружил могилы с крестом и доску с надписью о том, что Звездочётов умер в апреле 1805 г., а рядом с ним похоронены ещё трое промышленников и одна женщина [Шубин 2010].

Этим исчерпываются сведения о поселении на Урупе в 1795–1805 гг. в российских источниках. Более половины промышленников покинули остров или погибли не позднее 1798 г., а все последующие годы Звездочётов оставался на Урупе всего с полутора десятками поселенцев. В то же время даже из этих скудных сведений можно увидеть, что айны, а затем

и японцы, жившие на Итурупе, были осведомлены о положении дел российской колонии на соседнем острове. Это вынуждает нас обратиться к японским источникам.

Российская колония на Урупе в документах японской экспедиции в земли айнов 1798–1799 гг.

Из японских источников, касающихся деятельности российской колонии на Урупе в 1795–1805 гг., до сих пор были доступны на русском языке лишь те, что переведены и опубликованы Д.М. Позднеевым [Позднеев 1909, с. 136–152]. В сущности, это один документ, представленный как часть главы «Эзосцы с острова Расёва, захваченные в плен, сообщают подробно о положении русских на Курильских островах» из книги Окамото Рюносукэ «Материалы к истории Хоккайдо с точки зрения российско-японских отношений». Документ представляет собой протокол допроса курильских айнов с острова Расшуа (13-й в Курильской гряде), прибывших на Итуруп 23 июня 1805 г. в количестве 7 мужчин и 7 женщин во главе с Сирэита (в крещении Максимом Григорьевичем).

Рассказ курильца Максима Григорьевича японскому инспектору Кикути Сонай охватывает довольно большой временной промежуток с середины XVIII в., когда русские впервые пришли на его остров Расшуа, до текущего 1805 г. По его словам, он и его спутники были отправлены на Итуруп по приказу «главного начальника эзосцев (айнов. – *В.Щ.*) по имени Кэрэко (Григорий)», чтобы выяснить, приходят ли японские чиновники на этот остров и «какие меры принимают к воспитанию эзосцев», поскольку слухи об этом дошли до камчатских властей. Когда они прибыли на остров Чирпой, то встретили там 13 русских мужчин и женщин, которые незадолго до того покинули Уруп, где жили под началом Звездочётова с 1795 г. Они рассказали, что занимались на острове промыслом морских животных, а также вели меновую торговлю с айнами Аккэси, Нэмуро, Кунашира и Итурупа, от которых получали сакэ, рис и японскую лаковую посуду. По их словам, именно то, что айны перестали приезжать на Уруп после 1803 г., привело их к решению вернуться на Камчатку. Они попытались уплыть с острова ещё в 1804 г. и доплыли до Чирпоя, но не смогли продвинуться дальше и были вынуждены вернуться для зимовки на Уруп, где в апреле 1805 г. умер их начальник Звездочётов[2].

Однако этот протокол допроса курильских айнов 1805 г. является далеко не единственным японским источником о деятельности русских на Урупе в 1795–1805 гг. Судя по всему, японцы впервые узнали о российской колонии на острове в 1797 г., незадолго до того, как на Итуруп прибыл один из отрядов японской правительственной экспедиции в восточные земли айнов. Первая такая экспедиция состоялась ещё в 1785–1786 гг., когда до военного правительства бакуфу дошли слухи о контактах чиновников княжества Мацумаэ с членами российской экспедиции в 1778–1779 гг. Тогда фактический глава правительства Танума Окицугу (1719–1788) рассматривал возможность освоения Хоккайдо и торговли с Россией для улучшения финансового положения бакуфу. Однако, когда ему на смену пришёл Мацудайра Саданобу (1759–1829), был взят курс на сохранение текущего

[2] Задание выяснить положение дел на Итурупе, полученное айнами о. Расшуа, а также трудности российских поселенцев Урупа, вызванные отсутствием торговли с айнами южных Курил, дало инспектору Кикути Сонай основания предположить, что группа курильских айнов с о. Расшуа на самом деле и есть те русские с Урупа – он высказывает такую мысль в своём протоколе.

положения, при котором все дела, связанные с землями айнов, находились в ведении княжества Мацумаэ. После визита российской экспедиции А. Лаксмана в 1792–1793 гг. у Саданобу возникла идея учреждения поста наместника в северных провинциях, который бы отвечал за коммуникацию местных и центральных властей, однако из-за его отставки она не была претворена в жизнь.

Поводом для новой экспедиции стали сведения о заходе иностранных судов в гавани о. Хоккайдо в 1796–1797 гг. Первое судно появилось в местечке Абута на берегу Вулканического залива в сентябре 1796 г. Из Мацумаэ туда был направлен вассал княжества Като Кэнго, который в прошлом взаимодействовал с Лаксманом. Изначально предполагалось, что это судно российское, поскольку Лаксману было выдано разрешение на заход одного судна в Нагасаки для продолжения переговоров [Ёкояма 2013, с. 89–90]. Однако оказалось, что это было британское судно «Провиденс» под управлением У. Броутона, которое занималось гидрографической съёмкой в Японском и Охотском морях. О заходе судна было незамедлительно доложено в Эдо. В ноябре оттуда был направлен чиновник в Мацумаэ и далее в Абута для проверки возможной нелегальной торговли, однако, вернувшись в Эдо в мае следующего 1797 г., он доложил, что фактов таковой не выявлено [Ёкояма 2013, с. 90].

В августе 1797 г. Броутон снова появился в гавани Этомо на Хоккайдо уже на более мелкой шхуне «Принц Уильям Генри». Бакуфу, осведомлённое о прошлогоднем визите, на этот раз получало сведения ото всех княжеств, в водах которых появлялось судно, и смогло восстановить маршрут британца: в течение лета и осени 1797 г. он проследовал от островов Мияко в южной части архипелага Рюкю вдоль тихоокеанского побережья Японии, а затем, пройдя проливом Цугару, исследовал Татарский пролив и, не обнаружив прохода между Сахалином и материком, вернулся вдоль побережья Приморья и Кореи через Цусимский пролив в Макао. Кроме того, из Мацумаэ от посетивших судно вассалов были получены сведения, что Броутон делал подробные карты берегов Японии, что не могло не взволновать бакуфу [Ёкояма 2013, с. 90–92].

Предполагая, что и в следующем 1798 г. британское судно снова может появиться в водах Хоккайдо, бакуфу направило туда экспедицию из 180 человек во главе с Ватанабэ Кюдзо (1758–?), Оокоти Масакото (?–?) и Мицухаси Наримити (1751–1838). Первый оставался в Мацумаэ для расследования дел княжества, второй возглавил отряд в восточные земли айнов, а третий – в западные. Несколько человек из второго отряда во главе с Кондо Дзюдзо (1771–1827) в августе 1798 г. переправились из Нэмуро в северо-восточной оконечности Хоккайдо на о. Кунашир, 3 сентября – на Итуруп, а 3 октября вернулись на Хоккайдо [Щепкин 2022, с. 250–253].

Первыми японцами, посетившими Итуруп (если не считать случайно занесённых туда моряков), были члены правительственной экспедиции 1785–1786 гг. Тогда они встретили в местечке Сярусяму на северо-востоке Итурупа троих русских и настоятельно просили их покинуть остров, хотя и не смогли найти достаточных доводов для этого. В этот раз русских на острове уже не было – об их пребывании свидетельствовали лишь несколько деревянных крестов, которые Кондо Дзюдзо, тщательно зарисовав, приказал снести. Вместо них был поставлен столб с надписью о принадлежности Итурупа Великой Японии – сегодня это, пожалуй, самый известный факт из биографии Дзюдзо. Тогда же он получил первые сведения о российской колонии на соседнем Урупе.

Если верить Могами Токунаи, сведения о русских на Урупе были впервые получены от У. Броутона и его спутников: в 1797 г. в гавани Этомо они сообщили вассалу княжества Мацумаэ Като Кэнго, что видели на острове вынесенное на берег судно, которые русские пытаются спустить на воду и, видимо, отремонтировать. Когда в следующем 1798 г. Могами Токунаи и Кондо Дзюдзо отправились на Итуруп, местные айны подтвердили эти сведения [Могами 1972, с. 457].

В 3-томном сборнике документов «Материалы Кондо Дзюдзо о землях айнов» опубликовано несколько десятков черновых версий рапортов Кондо правительству бакуфу. Российской колонии на Урупе в той или иной степени касаются девять из них, причём семь датированы 8-м месяцем 1798 г., один – 1799 г., и ещё один – 1800 г. [Кондо 1984, с. 28–77, 85–87, 133–136, 262–270]. Два последних посвящены уже скорее возможным мерам по выдворению русских с Урупа, в то время как информация о деятельности колонии содержится в наиболее ранних документах. Сведения довольно детальны и заслуживают отдельного обстоятельного изучения, поэтому приведём здесь лишь их общий очерк, изложенный Кондо Дзюдзо в 1804 г. в сочинении «Исследование размежевания приграничных земель по картам»:

«Примерно в 7–8 году правления Кансэй (1795–1796 гг. – *В.Щ.*) одно крупное русское судно с 60 человеками на борту, включая 3 женщины и одного курильского айна, по-видимому, вышло с Камчатки и в 9-м месяце того же года[3] прибыло на остров Уруп. Сойдя на берег в месте под названием Ванинау[4], [русские] построили дома и склады и стали там жить. Сначала в год Дракона (1796 г. – *В.Щ.*) они поселились в Мацукотан, однако трое человек умерло, в 3-м месяце года Змеи[5] 28 человек вернулось на родину, в 5-м месяце года Лошади[6] [ещё] 14 человек вернулось на родину, а оставшиеся 17 человек включая 3 женщин (это число не точно, поскольку [кто-то ещё] мог умереть или уехать) до сих пор остаются жить.

Айнов ежегодно обманывают, что намерены вернуться на родину, но никуда не уезжают. Во главе тех русских стоит один человек. Тот, которого зовут Маитараси[7], в год Лошади (1798 г. – *В.Щ.*) уехал на родину, а сейчас остался и живёт человек по имени Кэнэтобуси[8]. У русских даже родились дети, одному из которых уже исполнилось 5–6 лет. Айны из мест, которыми они управляют, тоже следуют обычаям русских: связывают [волосы] на голове и бреют бороды. С ними также приехал айн с острова Симушир по имени Сирэйта[9], он служит переводчиком при русских.

[3] Промежуток с 13 октября по 11 ноября 1795 г.

[4] Ныне бухта Алеутка на юго-восточном (тихоокеанском) побережье острова.

[5] С 28 марта по 26 апреля 1797 г.

[6] С 14 июня по 13 июля 1798 г.

[7] «Маитараси» – вероятно, «байдарщик» (см. далее в тексте слово «майтарэ» – «байдара»). Возможно, имеется в виду штурман Олесов, которого, по приведённым выше сведениям Резанова, Звездочётов первым выгнал с острова в 1795 или 1796 гг.

[8] «Кэнэтобуси» – скорее всего, «передовщик», как называли Звездочётова (в других документах также «Кэрэтопусэ», «Кэнэтопусэ»).

[9] Вероятно, тот же самый Сирэйта (Максим Григорьевич), который в июне 1805 г. приехал на Итуруп и был допрошен японским инспектором (см. выше).

У них припасено огромное количество ружей и пороха: они пользуются ими уже около десяти лет, но до сих пор осталось. Среди русских есть один, занимающийся кузнечным делом. Они привезли с собой и держат животных, похожих на собак, с белой шерстью и длинными хвостами. Лодки у них двух типов. Первые обтянуты кожей, а каркас сделан из дерева. Когда не пользуются, каркас ослабляют, а кожу складывают. Размером меньше, чем суда-*дзуаи*[10]. Айны называют их *тондотипну*[11], русские называют *майтарэ*. Вторые делаются [полностью] из дерева. Айны называют их *рокундо*[12], а русские – *поросённай*[13].

В первый год, когда приехали русские, вождь Аккэси [по имени] Икотои также зимовал на этом острове. Он очень сблизился с русскими и даже преподнёс для российского государя шкуры каланов. Прежде русские не вели себя особенно дружелюбно по отношению к айнам и каждый раз случались ссоры за промысловые места, однако, когда айны Итурупа в год Дракона (1796 г. – *В.Щ.*) впервые приехали [на Уруп] после того, как там поселились русские, те стали относиться к ним с большим дружелюбием и со всей учтивостью. Айны Итурупа, когда, прибыв на Уруп, как и в прежние годы, обнаружили жилища русских, заподозрили неладное и нерешительно оставались в открытом море. Однако русские выплыли на лодках к ним навстречу и стали всех угощать, поя вином и давая табак. После этого день за днём они дарили еду, питьё и сахар, и даже слуг угощали едой и вином. То же и с охотой на морского зверя: если раньше постоянно случались конфликты, то теперь такого не было.

Когда айны принесли каланов и сказали, что хотят продать, [русские] ответили, что, поскольку это товар для поставки в Японию, они не могут их купить, и меха следует продавать японцам. День за днем они сетями ловили рыбу и, отделив половину, отдавали айнам. Русские сказали, что если отныне [айны] будут ежегодно привозить японские товары, то и из той страны они будут привозить товары и вести торговлю. Поскольку японцы также приезжают в земли айнов, то там должно быть много японских товаров. Следует привозить любые товары. Больше всего из них они хотят шкуры. Также говорят, что особенно высоко ценят рис. Когда встречают айнов, то всегда по два-три раза спрашивают, нет ли у них с собой японского риса. Говорят, что если сможете привезти рис, то обменяем его на какие угодно ткани. […] Все эти русские до сих пор живут на острове Урупе и не уезжают» [Кондо 1976, с. 67–68].

Эти сведения в целом соответствуют данным российских источников, с тем лишь замечанием, что под количеством прибывших на остров (60 человек), вероятно, имеется в виду общее число находившихся на борту судна «Св. Алексей», которое после высадки отряда на Урупе отправилось далее в Русскую Америку. Если опираться на российские источники, на Урупе высадилось 37 человек, пятеро из которых были высланы на Камчатку в 1796 г., и к 1797 г. их осталось 32 – что уже совпадает с данными Кондо.

---

[10] Дзуаи-бунэ (яп. 圖合舟) – тип японского судна грузоподъёмностью менее 100 *коку* риса, распространенный в период Эдо (1603–1867) в северных провинциях Японии.

[11] Айн. *тонто цип*, от *тонто* – «дубленая кожа», *цип* – «лодка».

[12] Айн. *рокунто* – «большой корабль», «иностранный корабль» (в т.ч. так называли японские суда типа «бэндзайсэн» грузоподъёмностью более 100 коку).

[13] Вероятно, имеется в виду слово «брошенный», поскольку в Ванинау находилось российское судно, выброшенное цунами на берег в 1780 г. Его пытались снять на воду как члены экспедиции Антипина и Шабалина, так и люди из отряда Звездочётова, но безуспешно.

Все эти сведения, по словам Кондо, он узнал от троих айнов с Итурупа и Кунашира [Кондо 1984, с. 31–32, 37]. Дальнейшая информация в материалах Кондо Дзюдзо тесно связана с вопросом выработки политики японского правительства в отношении российской колонии на Урупе и, как следствие, айнов южных Курильских островов. Этому будет посвящён заключительный параграф статьи.

Политика Японии в отношении российской колонии и айнов южных Курил в 1799–1803 гг.

Вскоре после получения первых отчётов из экспедиции в конце 1798 г. центральное правительство бакуфу издало 20 февраля 1799 г. указ о временном – на 7 лет – переводе восточных земель айнов от Уракава до Сирэтоко, а также «прилегающих островов» под своё прямое управление и назначило нескольких чиновников своими уполномоченными на этих территориях (яп. *эдзоти гоё:гакари* 蝦夷地御用掛). Кондо Дзюдзо предлагал подобные меры ещё до начала экспедиции, представив в 1797 г. два предложения: «О морской обороне» и «О мерах в отношении айнских земель Мацумаэ и о контроле за границей с иностранными государствами». В них он обращал внимание на участившиеся случаи захода иностранных судов, особенно британских и российских, в японские воды, прежде всего к северным островам, и даже предположил возможный союз России и Великобритании против Японии. В качестве ответных мер он и предложил перевод земель айнов под прямое управление бакуфу и укрепление там береговой обороны [Кондо 1984, с. 1–12].

Однако после своей первой поездки в земли айнов в 1798 г. Кондо, не отказавшись от идеи их перевода под управление бакуфу, предложил укреплять оборону не военными средствами, а путём подчинения айнов и освоения их земель. Очевидно, это произошло в том числе под влиянием полученных им сведений о российской колонии на Урупе. Более того, меры, предпринимаемые в отношении айнов, прежде всего на Итурупе и Кунашире, должны были привести в конечном счёте к уходу русских с Урупа и превращению этого и ещё нескольких островов к северу в «буферную зону», защищающую айнов южных Курил от российского влияния.

В своих записках японские чиновники приводили целый ряд примеров того, что впоследствии называлось «необыкновенным методом» русских «приручать людей с помощью ложной гуманности и поддельных благодеяний» [Хабуто 1978, с. 37]. Как позже писал наместник в Хакодатэ Хабуто Масаясу (1752–1814), «земли айнов – это огромный остров, окружённый с четырёх сторон морями, поэтому возвести где-либо неприступную крепость [и довольствоваться этим] невозможно, а потому нет другого пути, кроме как с теплом и заботой воспитывать айнов, пока все они не падут ниц перед гуманным правлением государства, и как бы их ни приручали иностранцы, они не склонялись бы к ним». Он также указывал на опыт России, в которой «люди и составляют неприступную крепость» [Хабуто 1978, с. 37–38].

Это и стало основным курсом политики бакуфу в отношении айнских земель после их перевода под прямое управление. В том же указе от 20 февраля 1799 г. говорилось: «Дела, связанные с образованием айнов, изменением их обычаев, а также способами торговли вверяются вашим знаниям при соблюдении первоочередного принципа подчинения [айнов], включая общую цель освоения страны». 15 марта того же года уполномоченным был

передан документ под названием «Общий смысл текущего дела» с более подробным разъяснением, сводившихся к четырём пунктам:

1) Путём благого влияния и образования постепенно приводить к японским обычаям, подчинять теплотой, так чтобы в самой глубине своих душ они не колебались даже в случае попыток иностранных государств приручить их – вот что должно стать первейшим принципом, однако в первую очередь на данный момент следует поступать так, чтобы айны могли извлекать выгоду из торговли, к которой они привыкли на своих землях;

2) Время от времени обучать пути обработки земли и разъяснять, как поддерживать жизнь с помощью питания зерновыми;

3) Хотя использование айнами японского языка находилось под запретом, в этот раз на территориях, подвластных бакуфу, этот запрет приостанавливается, и следует учить их пользоваться преимущественно японским языком, а также время от времени обучать их тому, что поможет превратиться в японцев;

4) Тем, кто захочет следовать японским обычаям, препятствий не чинить.

Во всех этих документах новая политика в землях айнов неоднократно описывалась японским словом «кайкоку» 開国. С середины XIX в. за этим словом закрепилось значение «открытие страны [для новых отношений]», однако в этом случае имелось в виду скорее «освоение страны» или даже «основание [новой] провинции», как трактует его японский историк Фудзита Сатору [Фудзита 2005, с. 166]. То есть деятельность бакуфу в землях айнов мыслилась как превращение их в одну из провинций Японии и инкорпорацию в традиционную политико-административную систему.

Примечательно, что именно это слово вызвало недовольство некоторых членов правительства и прежде всего сёгуна Токугава Иэнари (1773–1841). 16 декабря 1799 г. он направил главе совета старейшин родзю Мацудайра Нобуакира (1763–1817) распоряжение, по которому запрещалось использование слова «кайкоку» в представляемых на высшее имя документах. Кроме того, сёгун выразил мнение, что не следует прилагать чрезмерных усилий в освоении айнских земель, а довериться в этом деле природе и времени. По мнению Фудзита Сатору, это мнение сёгуна стало отражением позиции части властной элиты страны, согласно которой следовало оставить земли айнов под управлением княжества Мацумаэ и не заниматься их освоением, чтобы они продолжали служить буферной зоной между Японией и Россией [Фудзита 2005, с. 167–169].

После этого уполномоченные в землях айнов решили в своей риторике сместить акцент с «отбора земель для освоения» на «отбор земель для обороны», ссылаясь на беспечность дома Мацумаэ, допустившего подчинение русскими Курильских островов вплоть до Урупа. В результате им удалось добиться смены статуса перевода восточных земель айнов под управление бакуфу с «временного» на «вечный», что было осуществлено в августе 1802 г. В то же время предложение о переводе под прямое управление западных земель айнов (западного побережья Хоккайдо и Сахалина) было отвергнуто. Ранее, в марте того же года, был учреждён пост наместников в землях айнов (яп. *эдзоти бугё:* 蝦夷地奉行), позже переименованный в наместников в Хакодатэ (яп. *Хакодатэ бугё:* 箱館奉行). На него были назначены двое из числа уполномоченных в землях айнов, Хабуто Масаясу и Тогава Ясутомо (1762–1821), которые отличались более мягкой и осторожной позицией в отношении

айнских земель. Можно сказать, что тем самым был достигнут определённый компромисс в политике бакуфу в отношении айнов и их земель.

Тем не менее всё это время российская колония на Урупе оставалась для японских властей проблемой, которую нужно было как-то решать. В качестве первоочередной меры Кондо Дзюдзо предлагал направить на Уруп чиновников для встречи с русскими, чтобы убедить их покинуть остров, поскольку нахождение на нём нарушает законы Японии. Примечательно, что Кондо считал Уруп и некоторые острова к северу от него территорией Японии на том основании, что айны южных Курильских островов и северо-востока Хоккайдо вели там сезонный промысел морских животных. Кондо отмечал, что в 1793 г. Лаксману наряду с разрешением на заход одного российского судна в Нагасаки было выдано разъяснение японских законов, поэтому российская сторона должна быть осведомлена, что заход в другие места запрещён. Следует отметить, что в черновике другого рапорта, датированного тем же 8-м месяцем 1798 г., Кондо предлагал взять под прямое управление бакуфу острова Кунашир и Итуруп, обосновывая это в том числе тем, что в лицензии основателя бакуфу Токугава Иэясу (1543–1616), выданной в 1604 г., эти острова не включались в территории, подведомственные княжеству Мацумаэ [Кондо 1984, с. 48–49]. В этом видна противоречивость доводов Кондо: с одной стороны, он считает Уруп территорией Японии, с другой – приводит аргументы в пользу того, что Курильские острова не принадлежали дому Мацумаэ.

Дальнейшая дискуссия о действиях в отношении российской колонии на Урупе подробно описана в сочинении Хабуто Масаясу «Записи о светоносном правлении [землями варваров] добродетельного государя»[14]. Кондо, предложив направить на Уруп чиновников для выяснения целей нахождения там русских, запросил от руководства инструкций на случай, если те откажутся покидать его. Мнения уполномоченных в землях айнов на этот счёт разделились. Мацудайра Тадааки (1759–1805) сказал, что если русские выразят намерение покинуть остров, но сошлются на отсутствие подходящего судна, нужно предоставить им 4–5 айнских лодок, однако если они откажутся уезжать, то всех без исключения доставить в Хакодатэ и заключить надолго в тюрьму. Исикава Тадафуса (1756–1836) пошёл дальше и предложил в случае отказа русских уехать убить всех поселенцев. Оба чиновника при этом акцентировали внимание на доводе Кондо о том, что русским был известен запрет на приезд в какие-либо места Японии кроме Нагасаки, а потому «нарушение ими границы и проживание на Урупе является проявлением презрения к Японии». Более мягкую позицию заняли Хабуто Масаясу и Мицухаси Наримити (1751–1838): они предложили значительно сократить снабжение японскими продуктами айнов южных Курильских островов, которые ездят для промыслов на Уруп и торгуют с русскими, чтобы у последних не осталось источников продовольствия и выгод от торговли. Это предложение в итоге и было выбрано в качестве основы дальнейших действий [Хабуто 1978, с. 79–80].

Два чиновника, Томияма Мотодзюро и Мияма Ухэйта, в сопровождении двух рядовых самураев отправились на Уруп из местечка Сибэторо на Итурупе 6 августа 1801 г. На следующий день они прибыли в Окаиватара на Урупе, где встретили айна по имени Сакэроку с Итурупа, занимавшегося там охотой, и расспросили его о русских. Несколько дней японцы провели в ожидании благоприятной погоды для дальнейшего плавания в Тобо,

[14] Подробнее об этом источнике см. [Климов 2021].

где находилось российское поселение. За это время они установили на высоком холме столб с надписью «Остров, на веки вечные принадлежащий Великой Японии» (яп. *тэнтё: тикю: дай нихон дзокуто:* 天長地久大日本屬嶋). 12 августа они, наконец, покинули Окаиватара и прибыли в Тобо, где встретились с Василием Звездочётовым и другими поселенцами, записали их имена и возраст, подробно расспросили об обстоятельствах приезда и дальнейших намерениях, осмотрели и зарисовали местный быт, а также сообщили, что в Японии торговля с другими странами строго запрещена. 13 августа японцы вернулись в Окаиватара, а 15-го вернулись на Итуруп, где доложили обо всём Кондо Дзюдзо [Хабуто 1978, с. 81–87].

После этого было принято решение выдавать айнам Итурупа, отправлявшимся для промыслов на Уруп, только то количество сакэ и табака, которое необходимо для личного потребления, так чтобы торговля с русскими была невозможной. Айны, посетившие Уруп в следующем 1802 г. сообщили, что русские по-прежнему остаются на острове, однако теперь они стали чинить препятствия айнам в их охоте на каланов и тюленей, разгоняя животных в местах промысла, а также не позволяли айнам Симушира и других островов к северу плыть на Итуруп, куда те хотели попасть, услышав о процветании острова под властью японцев [Хабуто 1978, с. 87–88].

В 1803 г. были предприняты ещё более строгие меры. Во-первых, было решено усилить оборону Итурупа и Кунашира, чтобы не допустить приезда туда русских с Урупа. Во-вторых, поскольку айны, ездившие для промысла на Уруп, могли по-прежнему передавать русским сакэ, рис и табак в обмен на шкуры каланов, даже несмотря на их ограниченное количество, выдаваемое японцами, было принято решение полностью запретить айнам Итурупа и Кунашира ездить на Уруп и тем самым прервать их всяческие отношения с русскими. Для этой цели уполномоченные даже направили на высочайшее имя просьбу одобрить приостановку поставки шкур каланов ко двору сёгуна на два или три года, пока русские не покинут Уруп [Хабуто 1978, с. 89].

Как уже было видно из российских источников, а также из протокола допроса айнов острова Расшуа, переведенного Д.М. Позднеевым, эти меры возымели эффект. После 1803 г. русские на Урупе стали испытывать проблемы с продовольствием и уже в следующем 1804 г. приняли решение покинуть остров. Они добрались на байдарках до острова Чирпой, но из-за неблагоприятной погоды были вынуждены вернуться на Уруп, чтобы перезимовать там. За это время умерли их предводитель Звездочётов, а также две девочки. Лишь в 1805 г. оставшиеся 14 человек смогли, наконец, покинуть Уруп, однако удалось ли им добраться до Камчатки – до сих пор остается неизвестным: как уже говорилось, Г.И. Давыдов в своём журнале отмечал, что зимой 1806/1807 гг. он их там не встречал.

Необходимо также отметить, что политика японских властей, нацеленная на выдворение русских с Урупа, привела к кардинальным переменам и в истории айнского народа. Запретив айнам южных Курильских островов плавать на Уруп для сезонного промысла морских животных во избежание контактов с русскими, бакуфу сделало невозможными встречи и торговые отношения с айнами средних и северных Курильских островов и тем самым прервало вековые контакты двух субэтнических групп. Так была открыта дорога к окончательному приграничному размежеванию двух государств, которое состоялось уже во второй половине XIX в., в эпоху, когда решения о принадлежности

«территорий» принимались за тысячи километров от них, в Симоде, Санкт-Петербурге и Портсмуте, без всякого учёта интересов местного населения.

Заключение

Как показывает сравнительное изучение российских и японских источников, поселение на Урупе, основанное по инициативе Г.И. Шелехова в 1795 г. и просуществовавшее десять лет, оказало определяющее влияние как на российско-японские отношения, так и на политику японского правительства в отношении айнов и их земель, особенно южных Курильских островов, на рубеже XVIII–XIX вв. Хотя формальным поводом к отправке правительственной экспедиции 1798 г. стали заходы британского судна в воды Хоккайдо, именно проблема российского поселения на Урупе и торговых связей русских и айнов южных Курил и северо-востока Хоккайдо послужили важнейшим основанием для перевода восточных земель айнов под прямое управление бакуфу. В то же время то, что российские поселенцы оставались на острове до 1805 г., косвенно способствовало нераспространению японского влияния севернее Итурупа. За это время политика бакуфу по японизации айнов южных Курил успела смениться на более пассивный курс для сохранения текущего положения, что поддерживалось значительной частью японской элиты. Также, на наш взгляд, изучение влияния российской колонии на Урупе на восприятие России японским правительством на рубеже XVIII–XIX вв. может внести важный вклад в оценку хода и результатов переговоров Н.П. Резанова в Нагасаки в 1804–1805 гг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Климов В.Ю. «Записи о Светоносном правлении [землями варваров] добродетельного Государя» («Кю:мэй ко:ки»). Первая и вторая тетради // Новые источники по истории и культуре айнов. Санкт-Петербург: Изд-во «Лема». 2021. С. 168–276.

Командор: страницы жизни и деятельности Двора Его Императорского Величества действительного камергера, руководителя первой русской кругосветной экспедиции Николая Петровича Резанова / сост. Ю. П. Авдюков, Н. С. Ольхова. Красноярск: [б. и.]. 1995.

Позднеев Д.М. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России. Т. 2. Ч. 1. Токио: То:ё: инсацу кабусики кайся. 1909.

Полонский А.С. Курилы // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 4. Санкт-Петербург. 1871. С. 367–576.

Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1799–1815 (Исследования русских на Тихом океане в XVIII – первой половине XIX в. Том 3). Москва: Наука. 1994.

Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. Под ред. и со вступ. ст. А.И. Андреева. Москва: Гос. изд-во геогр. лит. 1948.

Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы. 1989.

Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий её до настоящего времени. Ч. I. Санкт-Петербург: тип. Э. Веймара. 1861.

Шубин В.О. Русские поселения на Курильских островах в XVIII–XIX веках // XIV Съезд Русского географического общества. Книга 4. Часть 1. Санкт-Петербург. 2010. С. 147–158.

Шубин В.О., Шубина О.А. Курилороссия // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 184–189.

Щепкин В.В. Айны глазами японцев: неизвестная коллекция А. В. Григорьева. Санкт-Петербург: Арка. 2022.

REFERENCES

Klimov, V.Yu. (2021). “Zapisi o Svetonosnom pravlenii [zemlyami varvarov] dobrodetel'nogo Gosudarya” (“Kyu:mei ko:ki”). Pervaya i vtoraya tetradi. [“Notes on the Luminous Reign (of the Barbarian Lands) by the Virtuous Monarch” (“Kyūmei kōki”). First and Second Parts]. In: *Novye istochniki po istorii i kul’ture ainov* [New Sources on Ainu History and Culture] (pp. 168–276). Saint Petersburg: Lema. (In Russian).

Komandor: stranitsy zhizni i deyatel'nosti Dvora Ego Imperatorskogo Velichestva deistvitel'nogo kamergera, rukovoditelya pervoi russkoi krugosvetnoi ekspeditsii Nikolaya Petrovicha Rezanova [The Commodore: Life and Activities of Nikolai P. Rezanov, Chamberlain of His Majesty’s Court, Head of the First Russian Round-the-World Expedition]. (1995). Compiled by. Yu.P. Avdiukov, N.S. Ol’khova. Krasnoyarsk. (In Russian).

Polonskii, A.S. (1871). Kurily [Kuril Islands]. In *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii* [Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society in the Department of Ethnography], Vol. 4 (pp. 367–576). Saint Petersburg. (In Russian).

Pozdneev, D.M. (1909). Materialy po istorii Severnoi Yaponii i ee otnoshenii k materiku Azii i Rossii [Materials on the History of Northern Japan and Its Relations to Asia Mainland and Russia]. Vol. 2. Part 1. Tokyo: Tōyō insatsu kabushiki kaisha. (In Russian).

Rossiisko-Amerikanskaya kompaniya i izuchenie Tikhookeanskogo severa, 1799–1815 [Russian-American Company and Exploration of the Northern Pacific, 1799–1815]. (1994). *In Issledovaniya russkikh na Tikhom okeane v XVIII – pervoi polovine XIX v. Tom 3* [Russian Explorations in the Pacific in the 18th and first half of the 19th centuries. Vol. 3]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Russkie ekspeditsii po izucheniyu severnoi chasti Tikhogo okeana vo vtoroi polovine XVIII v. Sbornik dokumentov [Russian Expeditions to Explore Northern Pacific in the Second Half of 18th Century. Collection of Documents]. (1989). Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury. (In Russian).

Russkie otkrytiya v Tikhom okeane i Severnoi Amerike v XVIII v. [Russian Discoveries in the Pacific and North America in the 18th century]. (1948). Ed. and introduction by A. I. Andreev. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel’stvo geograficheskoi literatury. (In Russian).

Shchepkin, V.V. (2022). Ainy glazami yapontsev: neizvestnaya kollektsiya A.V. Grigor’eva [Ainu Through the Eyes of Japanese: An Unknown Collection by A.V. Grigoriev]. Saint Petersburg: Arka. (In Russian).

Shubin, V.O. (2010). Russkie poseleniya na Kuril’skikh ostrovakh v XVIII–XIX vekakh [Russian Settlements in the Kuril Islands in the 18th – 19th Centuries]. In: *XIV S‘ezd Russkogo geograficheskogo obshchestva. Kniga 4. Chast’ 1* [14th Congress of the Russian Geographical Society. Book 4. Part 1] (pp. 147–158). Saint Peterburg. (In Russian).

Shubin, V.O. & Shubina, O.A. (1985). Kurilorossiya [Kurilorussia]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 5, 184–189. (In Russian).

Tihmenev, P.A. (1861). *Istoricheskoe obozrenie obrazovaniya Rossiisko-Amerikanskoi kompanii i deistvii ee do nastoiashchego vremeni. Ch. I* [Historical Overview of the Formation of the Russian-American Company and Its Activities up to the Present Moment. Part I]. Saint Peterburg: E. Veimar publishing house. (In Russian).

* * *

Fujita, Satoru. (2005). *Kinsei koki seijishi to taigai kankei* [Political History of the Late Period of Early Modern Japan and Foreign Relations]. Tokyo: Tokyo daigaku shuppankai. (In Japanese).

Kondo, Juzo. (1976). Hen’yo bunkai zuko [Study of Boundary Settlement Basing on Maps]. In *Kondo Seisai zenshu* [Complete works by Kondo Seisai]. Vol. 1. Tokyo: Daiichi shobo. (In Japanese).

Kondo, Juzo. (1984). *Kondo Juzo ezochi kankei shiryo* [Sources on the History of Ainu Lands, Written by Kondo Juzo]. Vol. 1. Tokyo: Tokyo daigaku shiryo hensanjo. (In Japanese).

Mogami, Tokunai. (1972). Ezo soshi kohen [Continuation of “Ainu notes”]. In *Hokumon sosho* [Library of the North]. Vol. 3 (pp. 447–479). Tokyo: Kokusho kankokai. (In Japanese).

Yokoyama, Yoshinori. (2013). *Nihon kinsei no rekishi* [History of early modern Japan]. Vol. 5. Kaikoku zenya no sekai [The world on the eve of the opening the country]. Tokyo: Yoshikawa kobunkan. (In Japanese).

Поступила в редакцию:	31.08.2022	Received:	31 August 2022
Принята к публикации:	25.10.2022	Accepted:	25 October 2022

Научное издание

Японские исследования
№ 4, 2022

Редактор русских текстов:	М.А. Кириченко
Редактор английских текстов:	В.В. Нелидов
Редактор:	Е.М. Скворцова
Технический редактор:	О.И. Казаков
Дата публикации:	20.12.2022

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. Институт Китая и современной Азии РАН
E-mail: japanjournal@mail.ru

Scientific edition

Japanese Studies in Russia
No. 4, 2022

Editor (Russian):	M.A. Kirichenko
Editor (English):	V.V. Nelidov
Editor:	E.M. Skvortsova
Layout:	O.I. Kazakov
Date of issue:	20 December 2022

Address: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation
E-mail: japanjournal@mail.ru

www.japanjournal.ru

日本研究